

✎ МАЙКЛ ✎
ИННЕС

Майкл Иннес (настоящее имя – Джон Иннес Макинтош Стюарт, 1906 – 1994) – известный английский писатель и литературовед. Его перу принадлежат монографии о У. Шекспире, Р. Киплинге и Т. Харди. Однако международную известность ему принесли именно интеллектуальные детективы, которые он публиковал под псевдонимом Майкл Иннес. Так, его романы «Смерть в апартаментах ректора» и «Гамлет, отомсти!» вошли в антологию Хорхе Луиса Борхеса «Седьмой круг». Всего Майкл Иннес написал около 50 детективов.

MICHAEL
INNES

.....
HAMLET, REVENGE!
.....

МАЙКЛ
ИННЕС

.....
ГАМЛЕТ, ОТОМСТИ!
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
И66

Серия «Золотой век английского детектива»

Michael Innes

HAMLET, REVENGE!

Перевод с английского *С. Алукард*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop
и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Иннес, Майкл.

И66 Гамлет, отомсти! : [роман] / Майкл Иннес ;
[пер. с англ. С. Алукард]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2017. — 384 с. — (Золотой век англий-
ского детектива).

ISBN 978-5-17-100647-1

Любительская постановка «Гамлета» с участием предста-
вителей аристократических семей Англии завершилась ужас-
ным преступлением — убит лорд-канцлер, игравший роль По-
лония.

Инспектор Джон Эплби обращает внимание на тот факт,
что незадолго до убийства таинственный неизвестный начал
буквально преследовать жертву анонимными посланиями, со-
держащими в себе цитаты из произведений Шекспира. Но что
это было — угрозы, предупреждения или что-то еще?..

Джон Эплби и его друг, профессор Джайлз Готт, готовы
взяться за это дело и найти виновного...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Michael Innes Literary Management Ltd, 1937
© Издание на русском языке AST Publishers,
2017

ISBN 978-5-17-100647-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Актеры прибыли, милорд...
И пьесу мы увидим завтра.

1

Если вам случится провести летний отпуск в окрестностях местечка Хортон, обязательно «совершите восхождение» на небольшую гору Хортон-Хилл. Это не составит особого труда, а оттуда вам откроется прекрасный вид. Гора является одновременно цитаделью и форпостом. К северу от ее вершины простираются характерные для английского пейзажа невысокие холмы, куда переходит подножие горы. К югу тянется низменность, где на небольшом отдалении видна серебристая лента моря. В семи с небольшим километрах за пологими холмами скрывается торговый городок Кингс-Хортон. За возвышенностью спряталась близлежащая деревенька Скамнум-Дуцис, о существовании которой свидетельствуют голубовато-серые дымки. Прямо под горой, за торжественным великолепием лужаек, сада и оленьего парка располагаются вычурные и в то же время неброские постройки имения Скамнум-Корт. Возможно, это не самая роскошная из английских родовых вотчин. Однако весьма большое поместье: в одном из соседних графств располагается нечто вроде его младшего брата — Бленхеймский дворец.

И все же с вершины Хортон-Хилл Скамнум выглядит почти игрушечным. Аскетичные линии фаса-

дов, яркая зелень газонов, тщательно ухоженные сады, окруженные знаменитыми висячими живыми изгородями, словно перенесенными из Шёнбрунна, — все это одновременно создает впечатление полета фантазии и некой строгости, ограничивающей экстравагантность обитателей. Кажется, что Скамнум говорит: здесь находится средоточие гордости имущих мира сего, но тут и смиренная сдержанность, свойственная умудренному опыту. Мистер Эддисон, проживи он на несколько лет дольше, с одобрением бы отнесся к этой величественной громадине. Мистер Поуп, хоть и отправился сочинять язвительные эпиграммы, тайно приезжал сюда, чтобы насладиться видом. А доктор Джонсон, когда ездил на чай к третьему герцогу, надевал свой лучший сюртук. Ибо что означают эта упорядоченная величественность, строгие пилястры и ухоженные цветники, как не воплощение главного морального постулата восемнадцатого века: величие жизни есть богатство в сочетании с благовоспитанностью.

Вот вкратце история Скамнума и его владельцев.

За тридцать лет до рождения Шекспира Роджер Криппен, едва сводивший концы с концами под соколиным гербом в Чипсайде, сделался сподвижником Томаса Кромвеля. Обладавший острым умом и недюжинным талантом замечать ошибки в гроссбухах — или фабриковать их в случае нужды, — этот человек поднялся одновременно с падением изживших себя религиозных устоев. Его сыновья унаследовали его способности. Его внуки выросли в атмосфере строгости и скрупулезности финансовых операций. Когда Елизавета вззошла на трон, Криппены уже владели торговыми домами в Париже и Амстердаме. Когда король Яков отправился на юг, Криппены обладали большим влиянием в унаследованном им королевстве.

Началась Гражданская война, и семейство приняло сторону короля. В поместье Хортон расплавили столового серебра на тысячи фунтов стерлингов, а Хамфри Криппен, третий барон Хортон, сражался бок о бок с принцем Рупертом Пфальцским, когда тот опрокинул кавалерию «круглоголовых» в битве при Нейзби. Однако банкирам нельзя поддаваться восторгам: Криппены также управляли десятками тысяч фунтов, лившимися из Голландии через Ла-Манш в Лондон и в частности в Парламент. И во время конфискаций в период диктатуры Кромвеля они не потеряли ни пенса. Тогда же — нарочито отойдя от дел — они тайно финансировали королевский двор в изгнании, и в период Реставрации глава семейства Криспин получил титул герцога. Со времени посвящения Роджера Криппена в рыцари прошло около ста тридцати лет.

«Криспин» осталось названием банковского дома. И именно на банковские дивиденды в течение всего времени строился и расширялся Скамнум-Корт. Хортон воссиял с присоединением обширных пастбищ на севере и с прибавлением богатых пахотных угодий на юге. «Нельзя, — туманно намекал нынешний герцог, — держать яхту на суше». И яхта, и огромный дом на Пиккадилли, и имение Кинкрей в Морейшире, и вилла в Рапалло стали дополнением к величественной громадине Скамнума. («Управлять Скамнумом с помощью толпы горничных? Ну же, ну же!» — воскликнул герцог, когда закрыл его во время войны.) Однако все это являло собой лишь часть богатств, которыми управляли потомки Роджера. Ибо Криспин стоит за промышленными гигантами Рура. Криспин прокладывает железные дороги в Южной Америке. В Австралии можно целыми днями ехать по овцеводческим фермам Криспина. Продается ли живописное полотно в Париже или соболя шкурка в Сибири — Кри-

спин извлекает свою выгоду. Если в Лондоне вы покупаете автобусный или театральный билет, Криспин прямо или косвенно получает свою долю.

И отсюда, с овеваемой ветрами вершины Хортон-Хилл, путник может наблюдать венец этого могущества и составить мнение о нем соответственно своим философским или политическим взглядам, а также руководствуясь своим воображением. Внизу лежит Скамнум, некая сокровищница, охраняемая лишь мраморными богами и богинями, молчаливо стоящими на широких террасах или, подобно Нарциссу, склонившимися над изящными рукотворными водоемами. Скамнум беспечный и неиспорченный символ порядка, благополучия и главенства закона, возвышающийся над сонным сельским пейзажем. В огромном восточном крыле помещается картинная галерея: там висит знаменитый хортонский Тициан и «Аквариум» Вермеера, за которого отец нынешнего герцога заплатил в Нью-Йорке целое состояние. Там находится скандально известный небольшой пейзаж Рембрандта, который отец нынешней герцогини, еще живя в Дублине, купил за десять шиллингов в захудалой книжной лавке рядом с улицей Лиффи. За него десять лет спустя он послал изумленному книготорговцу тысячу фунтов. В противоположном, западном крыле располагается оранжерея. Иногда летними вечерами там устраиваются балы, и свет льется на темные лужайки из длинной череды распахнутых створчатых окон. И любопытный труженик со своей подругой, увидев длинную вереницу въезжающих в парк автомашин, взберутся на вершину холма, вытянутся на ковре из клевера и станут смотреть на мир, столь же далекий, как на картинах Вермеера: на крохотные фигурки, украшенные драгоценностями, словно по волшебству парящие над террасами. Время от време-

ни ветер доносит до холма отголоски музыки. Иногда это странная музыка, чарующая и волшебная. Но иногда она кажется знакомой, когда-либо услышанной по радио или на пластинке, — и тогда парень с подругой вдруг чувствуют неловкость и смущение. Скамнум уже давно сохранял собственный мир в неприкосновенности и под покровом загадочности. Многие герцоги Хортонские ужинали за столами землепашцев, многие герцогини смеялись и болтали на улицах Скамнум-Дуцис. Однако все они знали, что прежде всего нужно стремиться к тому, чтобы на них взирали издалека, что их сила в том, чтобы оставаться предметом мечтаний и фантазий тысяч людей: далекими, украшенными драгоценностями и окруженными волшебным ореолом. Мы все герцоги или герцогини Хортонские — и в этом парадокс, — пока вокруг нас играет достаточно необычная музыка.

С вершины Хортон-Хилл можно увидеть часть огромного внутреннего двора Скамнума и одно из его архитектурных излишеств. Здесь в девятнадцатом веке один из герцогов, запоздалый ревнитель рыцарских идеалов, возвел причудливый готический памятник в виде зала с накатным потолком. Его постройка окутана какой-то страшной тайной: кроме вершины холма, зал можно видеть только из некоторых внутренних окон дома, и, взирая на него, остается лишь сожалеть об уничтоженном фонтане, некогда стоявшем на его месте. В семействе его иногда называют Причудой Питера, а гораздо чаще — со скрытой иронией, которую Криспины усвоили вместе с аристократизмом, — банкетным залом. Там довольно сыро, пахнет плесенью и все буквально усеяно витражами. Его никогда ни для чего не использовали. Точнее, не использовали до тех пор, пока герцогине не пришла в голову одна мысль. Мысль, неожиданно привлекая к Скамнуму внима-

ние всей Англии, после чего к подножию Хортон-Хилл устремились потоки автобусов с любопытными экскурсантами.

Вот и теперь по всему видно, что готовится нечто необычное. Однако безоблачный июньский день пока ничего об этом не знает. Из голубятни над садом доносится самый безмятежный из всех звуков доброй старой Англии. Ему лениво вторят галки, скрывающиеся под сенью вязов на старинной аллее. Где-то вдалеке, там, где расположены конюшни, колокол бьет четыре. Скамнум дремлет. На холме нет туристов с биноклями в руках, гоняющих щиплющих травку овец или размышляющих о том, что происходит в Скамнуме. Никому и в голову не придет узнать герцога в небольшого роста человеке в коротких бриджах, остановившемся поговорить с садовником у пруда с лилиями. Никто бы не узнал в молодом человеке в изящных рейтузах и жокейских сапогах, прогуливаемом у конюшни, Ноэля Айвона Мериона Гилби, наследника титула. Никто бы не догадался, что высокий мужчина, идущий по дорожке, — его давний наставник Джайлз Готт, признанный специалист по елизаветинской драме. Что красивая девушка, задумчиво глядящая на него с террасы, — леди Элизабет Кристин. Никто не знает, что беспокойный человек с черным ящиком не королевский фотограф, а американский филолог. Никому не известно, что в «Роллс-Ройсе», приближающемся к южной сторожке, едет лорд-канцлер Англии, прибывший сюда, чтобы пошутить и развеяться в обществе своей давней подруги Анны Диллон, нынешней герцогини Хортонской.

В настоящий момент Скамнум, безусловно, занимает умы многих людей. В Ливерпуле серьезные молодые люди изучают планы его горизонтальной проекции. В Берлине знаменитый искусствовед читает лек-

цию о его художественном собрании. Его «жизнь», красочно описанная в вечерних газетах, бойко продается на улицах Бредфорда, Морли и Лидса. Скамнум всегда присутствует в рубрике «Это интересно». Вскоре он переместится в «Новости».

«Роллс-Ройс» ныряет под причудливый мостик, соединяющий сторожки-близнецы, и с тихим урчанием едет по подъездной дорожке.

— И ее светлость, — с достоинством объявил Макдональд, — получит столько роз для банкетного зала, сколько соизволит заказать.

— Хорошо, — ответил герцог, скрывая радость неожиданной победы. — Теперь посмотрим-ка, — он сверился с надписями на конверте, — ага, душистый горошек. Его хватит, чтобы заполнить все вазы эпохи Мин в большой гостиной.

— В большой гостиной! — ужаснулся Макдональд.

— В большой гостиной, Макдональд. Большой прием, знаете ли. Прямо-таки событие.

— Я прослежу за этим, — сказал Макдональд суровым тоном.

— И вот еще что. Ужин подадут в длинной галерее...

— В длинной галерее!

— Ну же, ну же, Макдональд. Большой званый ужин, сами знаете. Нечто необычное. Примерно на сто двадцать персон.

Макдональд задумался.

— С вашего позволения, сэра, это больше похоже на салон лайнера, чем ужин в благородном доме на современный манер.

Макдональд представлял собой одну из достопримечательностей Скамнума. «Вы видели нашего прагматичного шотландца?» — любила спрашивать герцогиня, после чего обласканный вниманием гость удостоивался чести быть представленным старшему

садовнику и осторожного разговора с ним. Тем не менее герцог считал, что иногда Макдональд мог утомить кого угодно.

— Как бы там ни было, — произнес герцог, подсознательно прибегнув к коронной фразе своей знаменитой речи, произнесенной им в палате лордов в 1908 году, — как бы там ни было, Макдональд, поставим гвоздики.

— Если вашей светлости угодно, — сурово ответил Макдональд, — я подумал, что можно и гвоздики.

— Гвоздики. В длинной галерее поставят один длинный стол, и из кладовой уже принесли тридцать серебряных ваз...

— Тридцать, — машинально повторил Макдональд, словно лихорадочно что-то вычисляя.

— ...которые наполнят красными гвоздиками.

— Хортон, — твердо заявил Макдональд, — так нельзя!

Когда Макдональд прибежал к такому жуткому средневековому обращению — безусловно, совершенно уместному в его родных краях, — значит, дело дошло до критической точки. Да и сам герцог целый день ждал чего-то подобного.

— Так нельзя, — продолжал Макдональд с мрачной убедительностью. — Вы можете подумать, что если у вас в длинной галерее соберется сто двадцать человек гостей, то потом эти сто двадцать душ пойдут гулять по моим теплицам. И вы подумаете, что спрос уже велик: все гостевые комнаты и сорок спален, не говоря уже о дворецких, которые закрутят с моими горничными у меня за спиной! Мое же мнение таково, — закончил Макдональд с напором, оставив аргументы, — что цветам вообще не место в доме. Им расти под чистым небом и ярким солнцем, пуская сильные корни.

— Ну же, ну же, милый Макдональд...

— Я не говорю, что выхода нет. Возможно, вашей светлости знакома книга миссис Хантер «Полевые цветы Шекспира»?

— М-м-м, не знаю...

— И не надо. Она не претендует на ученость. Однако книга есть в библиотеке, и, возможно, она убедит ее светлость...

— Ну же, ну же, Макдональд!

— ...что полевые цветы Шекспира на длинном столе будут смотреться куда более к месту, нежели мои гвоздики. Вам стоит лишь распорядиться, ваша светлость, и мои девчонки пойдут в лес от южной сторожки и нарвут сколько надо. В тридцати серебряных вазах, — с жаром добавил Макдональд, — они и вправду украсят стол!

Уклончивый ответ герцога свидетельствовал о том, что он колеблется:

— Честное слово, Макдональд, вот уж не знал, что вы знаток Шекспира.

— Шекспир, ваша светлость, был весьма искушен в садоводстве, и хорошему садовнику надлежит знать Шекспира. В пьесе, которую скоро покажут, садовые предметы упоминаются одиннадцать раз.

— Одиннадцать раз! Боже мой!

— Да, одиннадцать. Трава, фиалка, роза, червоточина дважды, шипы, прививка на стволе, плод с дерева, пальма и подрезанный в цвету — чего делать нельзя. Это все есть в новой книге профессора по фамилии Сперджен.

— Ах да, — неосторожно обронил герцог. — Сперджен... неглупый парень.

— Это очень талантливая дама, — сказал Макдональд.

Механизм империи Криспинов продолжал работать — мощно, точно и вездесуще. Мог ли Макдо-

нальд, победоносно завершив этот разговор, ощутить своим склонным к метафизике шотландским умом глубокую иронию, осознавая (несмотря на всем известную инертность герцога) присутствие всевидящего ока Криспинов?

Макдональд вышел на тропинку и направился к южной сторожке.

«Роллс-Ройс» резко затормозил. Лорд Олдирн поднялся во весь рост позади неподвижного шофера и театральным жестом приветствовал приближавшегося Джайлза Готта.

— Похоже, это замок Барклофли, ведь так?

Готт пожал ему руку и поклонился — ровно так, как кланяются малознакомым людям, имеющим влияние на короля. Затем он рассмеялся:

— Вон замок, сразу за деревьями.

— Одних только слуг с три сотни там, я слышал?

— Скоро туда съедутся три сотни гостей, насколько мне известно. В руках герцогини все обретает огромные масштабы.

— Садитесь, — с привычной властью сказал лорд-канцлер. Когда «Роллс-Ройс» тронулся, он вздохнул: — Я боялся, что именно так все и выйдет. Анне всегда нужен большой холст. Это ошибка, которую никогда не совершал ее отец.

— А разве она не управляла стариком Диллоном?

— Думаю, да — как умная женщина может направлять гения. Она ограничивала его портретами, выбирала нужный момент для «капитуляции» перед Академией художеств и так далее. — Лорд Олдирн умолк. — По-моему, свою роль я знаю. А какая роль у вас?

— Я постановщик. И я построил сцену наподобие елизаветинской.

— Боже праведный! Где?

— В банкетном зале.

— Заплесневелая, сырая дыра. Значит, все очень серьезно: дерзкая постановка и трактовка Шекспира и все такое. Набежит толпа вашей ученой братии, а?

— К ночи слетится целая стая. Американец, кажется, уже там. Герцогиня никогда не серьезна до конца, но работает на удивление много.

— Анна всегда этим отличалась. Неделями работала взаперти, чтобы достичь сиюминутного совершенства — или, возможно, сиюминутного абсурда. Именно так она сюда и попала. Чем она занимается, костюмами?

— Ничего подобного. Она штудирует тексты. Раздобыла второе хортонское кварто и взяла у кого-то первое фолио. Ужасаюсь, если она в азарте начнет делать заметки на полях. Она также изучает сценическую традицию. На нее огромное впечатление произвели рассказы о Гаррике, особенно как он ведет первую сцену с тенью отца. Она чуть ли не наставляет Клэя по этой сцене.

— Наставляет Клэя! — хмыкнул лорд Олдирн. — Это пойдет ему на пользу. Добиться шумного успеха в роли Гамлета в Лондоне и Нью-Йорке — а потом получать наставления от какой-то женщины в любительской постановке. Зачем ему все это?

Этот неожиданный вопрос заставил Готта задуматься.

— Наверное, он поддался величию Скамнума, — наконец предположил он.

— Хм! — недоуменно произнес лорд-канцлер и тут же добавил: — А Элизабет? Как ей все это нравится? Наверное, лестно играть рядом с Клэем?

— Без всякого сомнения, — ответил Готт.

Какое-то время они молчали. Машина мчалась по подъездной дорожке. Им встретился Макдональд, учтиво приложивший руку к шляпе.